

А. А. Половцов
ДНЕВНИК
1859–1882

І том
1859–1877

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»

Содержание

Половцов А. А.

П52 Дневник. 1859–1882. В 2 т. Т. I: 1859–1877 / составление, вступительные статьи, примечания
О.Ю. Голечковой, С.В. Куликова, К.А. Соловьева. — Москва : Фонд «Связь Эпох». — 880 с.

ISBN 978-5-907396-15-9

ISBN 978-5-907396-16-6 (Т. 1)

Дневники А.А. Половцова — уникальный источник по политической истории России конца XIX — начала XX в. К ним неизменно обращаются исследователи, правда, имея в виду преимущественно опубликованные их части. Настоящее издание — дневники А.А. Половцова за 1859–1882 гг. Этот текст, в отличие от последующего текста дневников за 1883–1909 гг., впервые подготовлен к публикации. А.А. Половцов был одним из наиболее информированных представителей высшей российской бюрократии. Во-первых, по долгу своей прежней службы он был знаком с подготовкой законопроектов на всех стадиях принятия решений. Особенности работы Сената были знакомы Половцову во всех деталях. Во-вторых, круг его знакомств был настолько широк, что он был хорошо информирован о настроениях и в бюрократических кругах, и в петербургском великосветском обществе. Многие сведения из дневников А.А. Половцова уникальны и не встречаются в других аналогичных источниках. Предмет особого интереса А.А. Половцова — бюрократический уклад государственной жизни современной ему России: процедура принятия решения, организация правовой экспертизы подготавливавшихся законопроектов, квалификация управленческих кадров, их социально-культурный облик. В этом отношении дневники А.А. Половцова — важный источник по социальной истории России. Они позволяют охарактеризовать русскую бюрократию как сложноорганизованный социально-культурный феномен, предполагавший особые ценностные ориентиры поведения ее представителей, что непосредственно отражалось на государственной жизни страны. Наконец, А.А. Половцов — один из «организаторов» исторической науки. Фактически руководя деятельностью Русского исторического общества, он был знаком со многими видными учеными, участвовал в реализации значимых научных проектов. В полном объеме текст дневников А.А. Половцова за 1859–1882 гг. публикуется впервые. Издание снабжено вступительными статьями, биографическим комментарием, примечаниями и именованным указателем.

УДК 82-9:94(47)«1859/1882»

ББК 63.3(2)522

© ФКУ «Государственный архив
Российской Федерации», 2022
© Голечкова О.Ю., Куликов С.В., Соловьев К.А., сост.,
вступ. ст., примеч., 2022
© Фонд «Связь Эпох», оригинал-макет, издание, 2022

ISBN 978-5-907396-16-6

Тираж 500 экз.

Ранние дневники А.А. Половцова (1859–1882)
как исторический источник 6
Биография Александра Александровича Половцова (1832–1909) . . . 19

Дневник. 1859–1877

1859 год 26
1860 год 33
1861 год 38
1862 год 103
1863 год 166
1864 год 252
1865 год 292
1866 год 339
1867 год 361
1868 год 391
1869 год 407
1870 [год] 463
1871 г[од] 510
1872 [год] 545
1873 [год] 574
1874 [год] 607
1875 г[од] 635
1876 [год] 665
1877 [год] 737

Примечания 771

1859 год¹

Декабрь

9 дек[абря]. Утром заезжал в Министерство юстиции попросить, чтобы дали какое-нибудь пособие на похороны Седова; меня встретили тем, что граф Панин запретил просить о каких бы то ни было пособиях потому, что типографская сумма с 1 января отходит в Госуд[арственное] казначейство, это мне напомнило стихи:

Отчего во рту лимоны
Не растут у лошадей?
Оттого что у Дидоны
Было взято пять рублей
На помаду для сельдей.

Логическая последовательность совершенно одинакова. И это министр юстиции. После Сената¹ ездил верхом. Погода отличная, умеренный холод, дорога превосходная. Вечерами бывал в опере, давали «Гугеноты»² или, как печатают на афише, «Гвельфы и Гибелины»¹¹. Пели: Тамберлик, Лагруа, Нантье-Дидье. После оперы пили чай у С[офьи] Я[ковлевны] Веригиной, были там Мещерский, гофм[ейстер] Екат[ерины] Мих[айловны], Беклешев, Дениско; разговорились между прочим о том, как ничтожен русский за границей, я доказывал, что отсутствие индивидуальности есть прямое последствие неразвитости, отсутствия убеждений, которых ни жизнь, ни наука не выработали; у нас делают офицеров, чиновников, попов, помещиков, но о том, чтобы это были люди в истинном значении этого слова, никто не заботится. Все сплошь да рядом слышу фразу

¹ Записи за 9 декабря 1859 г. предшествует фраза, которая, очевидно, относится к периоду до указанной даты либо даже к декабрю 1858 г., поскольку находится перед общим заголовком «1859 год»: «пышен наряд солдат во всех формах, начиная с Петра Великого до нашего времени. Вечером б[ыл] я у Николая Кушелева-Безбородки в новом его доме, где, впрочем, теперь отделаны только пять комнат».

¹¹ Так в тексте. Верно: «Гвельфы и гибеллины».

вроде этой: как чиновник, он поступил совершенно правильно, конечно, как человек и т. д. Да что же это за такие обязанности, на которых для человека предстоит необходимость отказаться от чисто человеческих начал, не есть ли это высокая степень нравственного растрепания и аберрации ума. Как я — человек — могу вообразить такое положение, где я должен поступать не по-человечески? Вот он, разлад общества с правдой, вот она, та общественная ложь, которая нас опутывает с головы до ног, и редки, крайне редки те, у кого хватает мужества и сил на то, чтобы противостоять лжи во всех ее видах.

13 декабря. В ту минуту, как я собирался ехать к графу Панину благодарить его за полученный мною чин коллежского советника³, приехал ко мне Н[иколай] Гагарин, я очень обрадовался, увидев человека, с которым мы в Училище [правоведения]⁴ б[ыли] очень дружны и не виделись больше десяти лет. Я расстался с ним в 1849 г[оду]: мы были в третьем классе¹, наши кровати стояли рядом; вдруг в шестом часу утра Гагарина будят, он успевает только попросить меня уничтожить, если есть что-нибудь запрещенное в его книгах и тетрадях, я бегу в класс, и с тех пор я¹¹ его более не видел. Вот что случилось после, как я узнал из рассказа его при теперешней нашей встрече. Гагарина и еще одного нашего товарища, Беликовича, в этот знаменитый для них день потребовали к директору (князю Николаю Сергеевичу Голицыну), там два жандармских офицера ожидали их, один пригласил Гагарина, другой — Беликовича, посадили их в сани и повезли так, чтобы они не могли более друг друга видеть, в III Отделение Собственной канцелярии⁵. По прибытии сюда Гагарина заставили прождать часа три, потом ввели его к знаменитому Леонтию Васильевичу; разговор начался комической сценой: Дубельт приглашал Гагарина сесть на стул, Гагарин, помня рассказы о проваливавшихся под пол стульях под не знавших тех, которые на них сидели¹¹¹, разным неприятностям, упорно отказывался и¹¹¹¹ окончательно сохранил¹¹¹¹¹ вертикальное положение. После этого вступления генерал-инквизитор стал заговаривать о прелестях петербургской жизни, о том, что молодые люди склонны покутить:

— Ну, а вы так же сильно кутите?

¹ Далее зачеркнуто: «будучи весьма дружны».

¹¹ Далее зачеркнуто: «мы».

¹¹¹ Так в тексте.

¹¹¹¹ Далее зачеркнуто: «наконец». Исправлено на: «окончательно».

¹¹¹¹¹ Далее зачеркнуто: «гори».

– По возможности, – отвечал Гагарин.

– Вообще, между вашими товарищами сильный кутежный и республиканский дух.

– Я не замечал.

– Да вы сами много говорили против правительства. Помните, четыре месяца тому назад вы говорили в училище за завтраком, что государя надо повесить. Да и вообще вы неоднократно говорили против правительства.

– Если это случалось, то единственная моя цель была побесить одного из товарищей, Михайлова, которого подобные речи приводят в иступление (Отцу Михайлова объявлена высочайшая благодарность за хорошее воспитание сына).

– Хорошо-с. До окончания вашего дела вы будете содержаться здесь, нет ли у вас каких-либо особых привычек, какое вы пьете вино?

– Шампанское и Рейнвейн.

17-летнего заговорщика, обвиняемого самым раболепным николаевцем в одних необдуманных разговорах, отвели в назначенную для него комнату; здесь он оставался две недели, получал отличное содержание, умственную пищу составляли русские журналы.

Через две недели Дубельт, которого в это время просили родственники Гагарина, призывает его и говорит, что на следующий день приедет сам граф Орлов, что он, Дуб[ельт], советует ему, Гагарину, раскаяться в его преступлениях и прикинуться перед Орловым крайне расстроенным, не мешало бы даже поплакать.

Гагарин отвечал, что преступлений он за собой не знает, а заплакать не сумеет, но Дуб[ельт] оставался при своем мнении.

Приезжает Орлов, призывает Гагарина и начинает ему делать внушение; замечая, вероятно, что слова его мало действуют, храбрый генерал решает обратиться к системе устрашения.

– Знаете ли, молодой человек, куда вы смотрите?.. На виселицу.

Несмотря на жесты Дуб[ельта], стоявшего за спиной Орлова и продолжавшего уже движениями советовать Гагарину прибегнуть к слезам, Гаг[арин] не выдержал и... засмеялся. Орлов разгневался, сжал кулаки и в бешенстве поехал с докладом к Николаю Павловичу. Любопытен б[ыл] доклад глубоко мудрого правителя своему великодушному и бесстрашному царю. Результат разговора этих благородных старцев б[ыл] тот, что двух семнадцатилетних мальчиков сослали: одного – Гагарина – юнкером в 6-й корпус, другого – Беликовича – рядовым в Оренбургский

линейный батальон, где он погиб, ища смерти при взятии ф[орта] Перовский⁶. Гагарин перебрался на Кавказ, служил там десять лет, причем Николай Павлович по свойственной ему незлопамятности 6 раз вычеркивал его из представления к награде. Теперь он штабс-капитан и адъютант Милютина, начальника Штаба [кавказского] наместника. Приехав к гр[афу] Панину, я нашел там весьма большое число чиновников, приехавших, подобно мне, представляться по случаю наградений; в числе прочих б[ыл] Анатолий Ковалевский, он мне рассказал обстоятельства крушения Ценсурного министерства барона Корфа. Все было кончено, слажено, Корф торговал дом Шишмарева, что у Аничкова моста, и предложил за него 200 т[ысяч] р[ублей] с условием заплатить эту сумму золотом; спросили министра финансов, есть ли у него деньги. Он отвечал, что есть и что он может дать 200 т[ысяч] из *особых, лично ему известных сумм*. К этому придрались в Совете министров⁷, напали на Княжевича, доказали государю, что денег нет, Корфу отказали в деньгах, а он отказался от выдуманного им министерства⁸. Это внешняя сторона, а закулисная состоит в том, что Корф, принимая назначение, объявил, что Тимашева в цензуре существовать не должно, Тимашев в свою очередь обещал, что Корф не продержится трех месяцев, и действительно, Корф не удержался и трех недель. Отвратительно видеть, что во всех государственных распоряжениях ничего государственного нет, все это – дело личных расчетов, мелочных видов, своекорыстия и самолюбия. Это не Отечество, а какая-то добыча, из которой всякий хочет выкроить себе кусок побольше.

Граф Панин б[ыл] очень любезен и довольно ловко каждому из нас сказал что-нибудь различное.

В этот же день происходило в Пассаже словесное состязание между неким Перозио, нападавшим на действие Коми[тета] Черноморского [общества] пароходства и торговли⁹, и Смирновым, защищавшим общество, с обеих сторон назначены были посредники, суперарбитром б[ыл] назначен Ламанский, который закрыл заседание, потому что публика выразила свое одобрение рукоплесканиями¹⁰. Все ругают Ламанского за то, что он сделал неудачной первую попытку гласности. Обедал я у Н[иколая] Кушелева[-Безбородко] с Варпаховским, Анненковым, Кондратьевым, Северцовым.

15 декабря. Вторник. Обедал я у Григория [Кушелева-]Безбородки с Николаем [Кушелевым-Безбородко] и Кондратьевым. После обеда поехал к Н.И. Стояновскому, где собирались 10 человек наших товарищей,

избранных на обеде 5 декабря для того, чтобы обсудить, что надо сделать для празднования на будущий год двадцатипятилетнего юбилея Училища правоведения. Избраны для этого: Стояновский, Зубов, Философов, Оболенский (Дмитрий), Стасов, Пребстинг, Врангель, Суцов, Лавров и я. Были все, за исключением Зубова, у которого жена больна, при смерти. Положили: издать сборник, сделать обед, после которого спеть и сыграть кантату на музыку сочинения принца [П. Г.] Ольденбургского в воспоминание подобного рода празднеств, бывавших в первые времена существования училища; и, наконец, последнее и главное, решили собрать капитал вычетом 4% из жалованья, и на проценты с этого капитала учредить в память принца Ольд[енбургского] премию за лучшее практическое сочинение по части русского права.

17 [декабря]. Четверг. Рождение графини Ламберт. Обедал у нее. На обеде были: С[офья] Я[ковлевна] Веригина, гр[аф] Валериан Канкрин с женой, гр[аф] Карл Ламберт, Штрик, Позен, Дениско, граф Кейзерлинг. Последний — положительно самый умный из всех виденных мною людей; несмотря на его ученость, трудно встретить человека более любезного в обществе, в настоящее время он занимает должность эстляндского губ[ернского] предводителя дворянства и изредка только приезжает в П[етер]б[ург], я его всегда имею случай видеть у граф[ини] Ламберт, на сестре которой он женат. В разговоре с ним я его¹ спрашивал, что его поразило в этот приезд, он отвечал, что всего более его изумляет отсутствие в управлении людей, сколько-нибудь способных, и притом совершенная разноголосица решительно во всем.

29 декабря. Утром я отправился в Сенат, где у меня было назначено Общее собрание¹¹ для выслушания проектов резолюций и высочайших повелений; на пути встретил огромное количество военных, которые представлялись в этот день новому фельдмаршалу кн[язю] Бярятинскому, событие это составляло в последнее время главный предмет разговоров для петербургского общества¹²: всех чрезвычайно занимали впечатления князя Орлова и других стариков, обязанных являться в полном мундире несравненно младшему. Пришедши в Сенат, я застал там еще только двух сенаторов — Жандра и Ореуса — и большого моего приятеля. Разговорились, конечно, о Бярятинском. При этом Жандр рассказал, что в молодости он¹³ служил в Комитете министров¹⁴, дела коего докладывались императору Александру I Аракчеевым, что он в качестве мелкого

чиновника приходил дежурить в Канцелярию¹⁵, где в эти дни надо было приходиться в 2 часа, пообедав, и просиживать на дежурстве 24 часа. При этом Ж[андр] рассказал о том, как объявлено б[ыло] выс[очайшее] повеление представить государю куклу. Кукла эта представляла монаха, несшего на спине женщину, завернутую в снопе соломы; духовенство воспротивилось продаже этой куклы, дело доходило до Комитета [министров] и государя, которые, конечно, согласились с духовенством, но Алекс[андр] Павлович пожелал при этом видеть куклу, о чем и объявлено высочайшее пов[еление] через Аракчеева.

После Сената зашел я к Кушелеву[-Безбородко], и мы вместе отправились обедать в Конюшенную, во французский pension bourgeoise¹, где за 1 р[убль] сер[ебром] вам дают отличный обед, состоящий из пяти блюд простой домашней кухни. Здесь обедают обыкновенно французские актеры, живописцы, журналисты, книгопродавцы и т. п. Основное правило — военных не пускать, да и статские принимаются лишь по знакомству; в этот день с нами обедали Berton, jeune premier^{II} француз[ской] труппы, Vernet^{III} (комик), Léon (очень дурной актер), de Bassini и Bettini — итальянские певцы, Франклин — учитель музыки и содержатель музыкального магазина, Готье — сын франц[узского] писателя, Ентховен — продавец картин.

После обеда мы отправились во Франц[узский] театр¹⁶. Давали: «Le Testament de monsieur Girodot»^{IV} ¹⁷. Из театра я поехал в 10 час[ов] к граф[ине] Ламберт. Здесь б[ыли] Тургенев и княгиня Багратион. Тургенев читал вновь написанный им очерк: параллель между Гамлетом и Дон Кихотом — вещь в высшей степени замечательная, не стану о ней говорить, потому что она сделается общеизвестной, быв напечатана в «Современнике»¹⁸; впрочем, прежде того Тургенев прочитает это сочинение публике¹⁹, причем сбор с публики будет обращен в пользу Литературного фонда, недавно учрежденного общества для пособия нуждающимся литераторам²⁰.

31 декабря^V. Занимался в архиве (Государственном)²¹, куда допущен по представлению Академии [наук] для собирания материалов, нужных для написания биографии князя Безбородки на премию, предло-

¹ Букв. «буржуазный пансион» (фр.), трактир, ресторан-гостиница.

^{II} Молодой любовник (фр.).

^{III} Верне (фр.).

^{IV} «Завещание господина Жиродо» (фр.). Так в тексте. Верно: «Le testament de César Girodot» («Завещание Цезаря Жиродо»).

^V Далее зачеркнуто: «Утром я».

¹ Далее зачеркнуто: «всегда».

женную Кушелевым[-Безбородко]. В архиве нахожу замечательнейшие вещи. Теперь занимаюсь делом Глебова, генерал-прокурора, смещенного в 1761 г[оду] за взятки.

1860 год¹

Февраль – май

9 февраля. Вторник. 9 час[ов] утра. Сегодня, даже в это именно время хоронят Ростовцева, который умер в самую высшую для своей славы минуту²², на его место, по званию начальника кадетских корпусов, назначается в[еликий] к[нязь] Михаил Николаевич, кто займет место председателя Редакционной комиссии²³ – до сих пор неизвестно.

15 апреля. Вчера была свадьба Кушелева (Николая), я был у него шафером вместе с Варпаховским и Репниным, посаженные были Репнин-отец и графиня Кушелева, у невесты²⁴ – князь Орлов и сестра ее Дубельт, шаферы – ее брат, Стюрлер и Краснокутский. Свадьба была в церкви графини Кушелевой, оттуда поехали в новый, мраморный дом Кушелева, где, впрочем, покамест отделаны лишь временно четыре комнаты. Его жена кроме весьма замечательной красоты отличается большим добродушием, простотой в обращении, сколько мне кажется, они будут счастливы, а впрочем [...]^{II}.

13 мая. Вернувшись вечером домой из театра («Русская опера»²⁵), я узнал, что дядя мой, Спиридон Федорович Татищев, умер²⁶; скажу о нем несколько слов и тем начну давно мелькавшую в голове моей мысль включать в эти записки характеристику и, пожалуй, слегка биографию лиц, с которыми^{III} жизнь сводит, – желаю этому новому предложению более постоянства в исполнении.

Спиридон Федорович Татищев, родной брат моей матери, сын майора Федора Васильевича Татищева, женатого на Варваре Александровне Тырковой (ни деда, ни бабки своих по матери я не знал), род[ился] в 1812 [году], в то время, как дед мой командовал дружиной ополчения в составе корпуса Витгенштейна. Преимущественное внимание родителей было обращено на воспитание дочерей: матери моей, Аграфены

¹ Машинопись. Оригинал включает записи также за 1886 и 1889 гг.

^{II} Пропуск в машинописи. В рукописи: qui (фр. «кто») [...] (второе слово неразборчиво).

^{III} Далее зачеркнуто: «встреча».

Федоровны, и старшей ее сестры, Варвары Федоровны, ими занималась швейцарка, гувернантка M[ademois]ell[e] Calame, о которой они сохранили самое светлое воспоминание; Татищевы жили постоянно в деревне Пелешок Гдовского уезда, в котором дед мой был предводителем [дворянства], в Петербург ездили лишь весьма редко; и так первые годы Спиридоны Т[атищева] проведены в деревне в обществе сестер, потом его отдали в университетский пансион²⁷, откуда с чином 14[-го] класса он выпущен на службу в Комиссию прошений²⁸, где и прослужил в качестве сверхштатного чиновника до самой смерти. После отца и многочисленных дядей он получил значительное состояние, никогда не тратил денег особенно безрассудно, никогда не имел никаких страстей, а между тем оставил состояние в крайне расстроеном положении.

Он в лице своем представляет во многих отношениях тип русского дворянина [18]30[-х] и [18]40[-х] годов с хорошим состоянием, хорошим именем, воспитанием, полученным в лучшем в то время заведении, казалось бы, жизнь для него должна была протечь легко и удовлетворительно, а вышло совсем противное. Быть может, пороки, заблуждения, страсти опутали его? — нет, нисколько. Вот его портрет: среднего роста, толстый, лысый, лоб скорее узкий, губы отвислые, взгляд несколько тусклый; в обращении, когда наблюдал за собой, то старался сохранять некоторую важность, как в движениях, так и в речи. Важность эта, впрочем, весьма часто исчезала, особенно в кругу близких знакомых, и тогда попадались иногда манеры отнюдь не сенжерменские, сердца довольно доброго, памяти необыкновенной, не лишенный значительного запаса хитрости, когда нужно, и знания жизни; он как-то не извлекал, однако, из своих способностей никакой пользы ни для других, ни для себя; после сказанного выше покажется странно, а между тем это так: ему доставало *разума*, а в особенности *воли*, — отсюда понятно, что среда, в которой он жил, общество его времени совершенно его подчиняли и поглощали; он родился дворянином, помещиком, по понятиям его времени дворянин должен был служить для получения чинов и приобретения почета, помещик должен получать деньги с крестьян и проживать их в П[етер]б[урге]. Как служить? Как управлять имениями? Как проживать деньги? — этого не спрашивайте, ответа не будет; в службе для него — не польза обществу, не средства к жизни, не занятие в управлении имением, не наука, не долг, в жизни — не стремление к наслаждению, не достижение известных целей. Нет. Все так делают, и я буду так делать. К чему сомнения, вопросы? Прочь их. Все женятся — женимся

и мы. Отпразднуем свадьбу, позовем Андреевского кавалера²⁹ в посаженные, а флигель-адъютанта — в шаферы, найдем и обмелируем квартиру, будем делать визиты, ездить в театры, принимать у себя, — словом, будем жить, как люди, если под людьми разумею Фамусовых, Чичиковых, Хлестаковых и комп[анию]. Вот как жили и живут многие. Теперь начинают говорить другое, хотя действуют по-прежнему; может быть, придет время, когда дела совпадут с словами, но это время еще слишком далеко, так же далеко, как мы от С[пиридоны] Ф[едоровича], — итак, возвратимся к нему. Он женился на дочери генерала Соломки, которая была мила, видела в нем богатого жениха и скучала дома. Скоро они поняли, какую глупость совершили, но уже поздно. Мигрени, нервные расстройства дозволяли Марии Афанасьевне принимать только самый ограниченный круг развлекавших ее молодых людей; дядюшка или переписывал ведомости о пособиях, раздаваемых Комиссией прошений, или писал многотомные послания своим старостам, которые обкрадывали его не на живот, а на смерть; наслаждения его заключались тесным кругом жирной кухни, смертоносной для пелешковских гусей и кур, и заливаемой домашним квасом или водой с красным вином, в области эстетических удовольствий для него существовало пение всевозможных тропари и кондаки. Неумеренная пища, неумеренное сидение за бумагами, как своими, так и служебными (в 1854 г[оду] он избран петербургским совестным судьей), ослабили его здоровье, он страдал глазами, его отправили в Берлин к знаменитому доктору Грефф, который признал, что катаракта не созрела, велел ему приехать через год, а до тех пор предписал курс лечения; вместо лечения он поехал в Черниговское имение жены, и там его разбил паралич; по приезде в П[етер]б[ург] открылось размягчение мозга, и вот сегодня, 14 мая, я еду к нему на панихиду.

24 мая. Я отправился на пароходе в Финляндию, где Николай Кушелев-Безб[ородко] ожидал меня в своем имении Мейландс около Гельсингфорса; не видев прежде Финляндии и не ездив морем никогда далее Кронштадта, я с удовольствием принял его приглашение погостить у него в деревне, а опасаясь скуки одиночного путешествия, уговорил ехать со мной Варнаховского¹. Мы выехали из Петербурга во вторник 24 мая в 10 час[ов] при довольно сильном дожде, который продолжался почти весь день, качка, однако, была незначительная. К 6 часам мы при-

¹ Так в тексте. Верно: «Варпаховский».

ехали в Выборг, где наш пароход ночевал и грузился товарами. Вечер был прекрасен, и мы отправились в Выборг и его окрестности; город ничего замечательного не представляет, строения по большей части каменные, но ужасно скучного вида, несколько церквей и какие-то старинные развалины, в которых содержатся арестанты, — вот и все. Из окрестности славится сад барона Николаи¹ и действительно заслуживает внимания, особенно на глаза петербургского жителя. Сад этот расположен на берегу морского залива, так что отовсюду представляется прекрасный вид, притом владельцы имения весьма искусно воспользовались скалами, которые чрезвычайно обильны как вообще в Финляндии, так в особенности в этом саду; везде проложены самые живописные дорожки, расставлены где статуи, где беседки или семейные памятники, на скалистом и чрезвычайно крутом острове выстроено подобие замка, окруженного причудливыми затеями немецкой фантазии баронов Николаи, кресты, решетки и даже фамильный склеп покрывают отвесные скалы маленького островка и представляют его издали крайне живописным. Теперешний владелец имения ( )^{II} старый дипломат барон Николаи был 35 лет русским посланником в Стокгольме³⁰, а теперь живет затворником, выходя из своего домика только для прогулок по саду, который любит и лелеет весьма усердно. Ночью, покуда мы спали, пароход двинулся и после скучных остановок в Ловизе и Фридериксгаме пришел около 8 часов в Гельсингфорс. Город представляется издали довольно красивым, но когда едешь по его улицам, то убеждаешься, что весь эффект происходит от того, что собор весьма чистый, белый, опрятный, поставлен на огромной скале и виден за десять верст в окружности, ну прибавьте близость моря, свеаборгские валы, движение парусов и дым нескольких пароходов — вот вам и картина готова, особенно когда неотъемлемые, хотя подчас своеобразные, красоты неба, зелени и, пожалуй, движения людей дополняют здесь, как и везде, эффект. На берегу я встретил Линдера, жениха графини [Мусиной-]Пушкиной, который поджидал свою невесту и тетку ее, Карамзину, устраивая покамест квартиру. Свадьба их д[олжна] б[ыть] 29 июня, он весьма милый человек, служит в Финском стрелковом батальоне, живет в Гельсингфорсе, состояния имеет весьма немного, любит свою невесту, она любит его, дай им Бог счастья.

У парохода нас ждала четвероместная карета К[ушелева], в которую мы и уселись с своими чемоданами, имение оказалось смежным с город-

¹ Подразумевается парк Монрепо.

^{II} Так в тексте.

ской чертой, в парке нас встретили молодые (в полной силе слова) хозяева, ожидавшие нас к обеду, мы сели обедать в 9 часов. Имение небольшое, но живописно расположенное на берегу моря. К[ушелев] именно затем приехал, чтобы выбрать место для постройки дома, он остановил внимание на берегу моря, покрытом скалами, откуда представляется славный вид; мне кажется только, что дом, если его тут выстроить, будет открыт ветру со всех сторон, да и вообще климат Финляндии не по здоровью К[ушелева], ему надо жить где-нибудь...¹

¹ След[ующая] стр[аница] вырвана (примечание в машинописи).

1861 год

Март – апрель

1861 г[од]. 31 марта. Пятница. Утром в Сенате доклад процесса Гуревича с Яковлевым, сенаторы поделились пополам. Перед обедом пошел гулять, встретил Лона, он весьма приятный человек, позвал его обедать [пропуск]¹. Вечером концерт в Придворной капелле³¹, «Пасторальная симфония»³². Концерт кончился в 10 ч[асов] 20 м[инут], ехать к Монтебелло б[ыло] рано, мы поехали прокатиться по Невскому до Аничкова моста¹. У Монтебелло много народу, [пропуск] довольно вяло. Хозяева весьма любезны, она – добрая простая англичанка, сыновья – тонконогие французики, не дураки; посольство вообще довольно слабо, исключая Фурнье, 1-го секретаря, который живет с нами в одном доме: весьма редкий человек, умен, образован, Европу знает как свои пять пальцев, прост в обхождении, остроумен, – словом, человек хоть куда^{III}.

1 апреля. Читал. Таквиль³³ – чрезвычайно замечательная личность: в тщедушном теле сильная душа, человек, посвятивший себя изучению современного общественного развития, ничто не останавливает его неутомимого трудолюбия и добросовестного служения науке, он едет в Америку, скитается в непроходимых лесах с дикими, прежде чем написать исследование о демократии в Америке, пишет и закапывается в архивах провинциального г[орода] Тура, – словом, не жалеет ничего для добросовестного исполнения задуманной работы, а это в высшей степени редко вообще и в особенности между французами³⁴. Раут у кн[язини] Кочубей^{IV}, прием в залах, украшенных картинами и статуями, лестница с напудренными лакеями в красных ливреях, наряды, звезды, красавиц

немного. Она сама чересчур жеманна. До крайности мила княжна Репнина, да и мать, кажется, милая старушка.

2 апреля. Рубинштейн и Венявский давали концерт в Дворянском собрании, оба артисты в высшей степени замечательные, зала б[ыла] полна; около нас сидел старик Нессельроде, поразителен бодростью для его лет, в зале б[ыло] холодно, я ему посоветовал надеть теплое платье, – и не думает: восхищается музыкой, как влюбленный двадцатилетний юноша; я думаю, чтоб дожить до таких лет, надо быть большим эгоистом. Обедали мы у барона [пропуск] с Винекеном, Лоном и братом Валерианом, потом опять поехали в симфонический концерт, даваемый по воскресеньям три раза в течение поста в Большом театре³⁵ от Театральной дирекции³⁶. Играли, между прочим, симф[онию] Бет[ховена] «Сражение при Виктории»^{1 37} – очень слабо. Народу в зале б[ыло] много; вкус к музыке чрезвычайно распространялся в Петербурге за последнее время: оно и всякому доступно, и не требует труда, и имеет некоторую претензию на знание толка в изящном, и может служить предметом разговора, ну и людей посмотреть и себя показать при этом можно, – словом, как по мерке: для ленивых, необразованных, а между тем сильных на претензии соотечественников. Написал я длинное письмо к Кушелеву, он ждет в Москве, покуда Нева разойдется, требую от него, чтоб ехал за границу на 5 лет, с чахоткой не шутят.

3 апреля. С раннего утра явился ко мне один господин с предложением купить дом; если бы он знал, что сегодня 3-е число, а за уплатой ежемесячных расходов у меня на хозяйство остается на целый месяц 100 рублей! Презабавно, как люди ошибаются: мою жену считают миллионершей, а нам еле-еле есть чем жить прилично. 15 т[ысяч] на той ноге, как поставлен весь наш дом, ужасно мало^{II}. В Сенате просидел до 3 часов. Прискорбно, а нельзя не сознаться, что молодое поколение чересчур слабо, все болтовня, высшие взгляды, а добросовестности ни на грош, так что трудящийся мошенник как раз подберет ленивого, хотя весьма благонамеренного красная. Сегодня я имел тому новое и несомненное подтверждение. Стасов (об[ер-]секр[етарь]), Петренко (секр[етарь]), 300 р[ублей] – все та же песня с небольшими оттенками. Глубоко сидят взятки и долго еще будут сидеть. Ездили мы смотреть выставку художеств[енных] произведений, принадлежащих частным лицам³⁸. Цель выставки – устройство квартир для бедных художников. Картины чрезвычайно замечательные попадают на каждом шагу, члены Имп[ера-

¹ Здесь и далее так отмечаются оставленные пустые места в оригинале.

^{II} Далее зачеркнуто: «Ломлей последовал нашему примеру» (здесь и далее примечания о зачеркиваниях в исходной рукописи сделаны в машинописи).

^{III} Далее зачеркнуто: «и жена милая простодушная, приятная женщина. Таких людей редко встречаешь, особенно в так называемом свете».

^{IV} Далее зачеркнуто: «великолепие поразительное».

^{1 37} Так в тексте. Верно: «Битва при Виктории [или Витории]».

^{II} Далее зачеркнуто: «ну, да авось справимся».

торской] фамилии весьма щедро дали свои богатства, но из частных лиц многие поскупились, напр[имер], гр[афиня] Кушелева, кн[язь] Горчаков³⁹. Публики страшно мало; нам говорил Л[ев] Гагарин, брат [вице-]президента Академии [художеств], что в неделю выручено лишь 3 т[ысячи] рублей, что едва покрывает издержки, я ему заметил, что холод — значительная помеха. При слабохарактерности и нерешительности жителей и резкости петерб[ургского] климата погода играет большую роль в обществ[енных] делах.

Мне рассказывал чиновник одного присутственного места, где продаются значительные недвижимые имущества с публичного торга, что в дождь иногда хороших торгов не бывает, несмотря на то что дело доходит до сотен тысяч рублей¹.

5 апреля. В 1 [час] поехали в Эрмитаж, смотрели только картинные галереи — богатства огромные, но и дурного много. После Эрмитажа я зашел к Фурнье, разговорились с ним по обыкновению, что водой не разлить. Говорили о Непире, новом английском посланце, которого он весьма хвалит: либерален, тверд, хлопочет о том, чтобы убедить, а не о том, чтобы нравиться, — настоящий представитель своей нации. Ф[урнье] читал мне письма к своим политическим приятелям. Большую тревогу надедало в кабинете кн[язя] Горчакова известие о высадке гарибальдистов в [пропуск], да еще на английском корабле⁴⁰. Вечером б[ыли] мы у Непира (на Сергиевской, д[ом] Трубецкого), официальное представление, много народа, домик небольшой, но чрезвычайно комфортабельный. Непир и жена его — милейшие люди, а равно и жена 2-го секретаря. От Непира заехал к Н. К[ушелеву-]Безбородки^{II}, который уезжал в Москву спасаться от вскрытия Невы, но вернулся от московских холодов прежде вскрытия и притом распротуженный^{III}.

6 апреля. Занимающие город новости: 1) сумасшествие Хрущова; 2) банкротство Меняева. Хрущов — человек честный, благородный и преисполненный сочувствия к движению, выходки его, не всегда глубокомысленные, всегда обнаруживали добрые намерения. Сумасшествие его даст повод тормозильщикам уверять, что он и прежде б[ыл] не в своем уме⁴¹. Меняев запутался в сообществе с Зотовым по золотым приискам, некото-

рые дела, впрочем, не совсем чисты, к счастью для жены его ([y]р[ожденной] Фелейзен), сын имеет от деда независимое состояние. Искали мы дач на Кам[енном] остр[ове]: почти все занято, цены невозможные¹.

7 апреля. Пятница. Общее собрание [департаментов Сената]. Кроме двух пустых дел докладывал я дело Верещагиных, представленное государем рассмотрению Общему собранию в качестве Верховного совестного суда. Дело коротко и ясно. Василий Верещагин подписался свидетелем на дух[овном] завещании сестры, оставившей имение племянникам Гальским, а после оспорил это завещание как относившееся до родового имения, не подлежавшего завещанию, а долженствовавшего перейти прямо к нему наследством по закону. По закону нет ни малейшего сомнения, что свидетельство у духовного завещания имеет целью исключительно удостоверение тождества завещателя и присутствия в нем ума и памяти, значит, свидетель может и не знать о сущности распоряжений, в завещании содержащихся, следовательно, без сомнения, может их оспаривать, ну а по совести решили единогласно иначе. Большое зло все эти исключения, делаемые верховною властью, добываются они обыкновенно просителями через самые неуважительные средства, не минуя ни благодарностей, ни III Отд[еления] Собств[енной] канцелярии, а имеют последствием прямое и категорическое нарушение закона; какая же может выработаться юридическая практика, какое может быть уважение к закону, когда каждому дается основательный повод думать, что закон можно обойти, исполнение его избегнуть.

Обедали у бар[она Штиглица], откуда поехали в концерт в пользу Маурера в Придворной певческой капелле. Оттуда мы хотели ехать на раут к Горчакову, рядом (в д[оме] МИД[а]), но концерт кончился в 10 ч[асов], а раньше 11 на раут показаться нельзя, поэтому мы воспользовались приглашением^{II} Варвары Ал[ександровны] Кочубей и поехали к ней пить чай, проболтали до 11½ ч[асов], а тогда поехали к Горчакову, где б[ыло] очень много народу, но в 12½ все разъехались.

8 апреля. Покуда мы читали [пропуск], приехали к нам Репнины, мать и дочь, милейшие существа, каждая в своем роде, старуха — совершенное олицетворение [пропуск]

Девушка, 20 лет, образована и развита вовсе не как русская барышня^{III}, моя жена в нее просто влюблена. В 3 час[а] поехали мы к Сабурову

¹ Далее зачеркнуто: «4 апреля. Были мы у Левасора, француз... парижский актер, представляющий комические сцены с переодеванием, большой талант».

^{II} Так в тексте.

^{III} Далее зачеркнуто: «Ни он, ни жена его не берегут его здоровье, которое, Боже упаси, как плохо».

¹ Далее зачеркнуто: «кажется, возьмем дачу Фитингофа».

^{II} Далее зачеркнуто: «любезной».

^{III} Далее зачеркнуто: «Надинька».

Барон [Штиглиц] б[ыл] в негодовании, тем более, что Винекен утверждал, что эти известия имели действительное влияние на дела, и многие законы были остановлены на бирже, на которой и без того дела весьма плохи и курс низок до невероятия; за обедом об этом много говорили, обвиняя г[осподина] Трубникова, издателя «Журнала для акционеров»⁵⁸, в распространении этого ложного известия. Я не думал и не думаю, однако, чтобы ложное известие в газетах могло иметь столь огромную важность, когда оно составляет одно личное мнение корреспондента и события не служат к подтверждению истины этого известия. После прогулки, когда уже не было Шлецера, а оставались только барон, Винекен, жена моя и я, я стал говорить опять о торговле, прося их разъяснить мне, отчего же происходит подобный упадок курса и застои в делах. Вот что приблизительно я узнал: во время Крымской войны⁵⁹ европейские государства, получавшие из России сырые произведения, Франция и в особенности Англия, стали изыскивать средства добывать из других мест кожу, сало, поташ, хлеб, лен, пеньку и т. д. Америка представила им чрезвычайно выгодный рынок, отсюда стали привозить то, что поставляла Россия, и довели дело до того, что железо, получаемое из Чили, сало, привозимое из Монтевидео и Буэнос-Айреса, обходятся дешевле, чем если бы их покупать в России, где пути сообщения не существуют, труд до сих пор б[ыл] обязательный, образование промышленное чрезвычайно ограничено, права личности и общественности не обеспечены ни в судах, ни даже в III Отд[елении] Собств[енной] е[го] в[еличества] канцелярии, а к этому финансовое управление, наполненное или бездарными чиновниками вроде Княжевича, или болтунами, нахватавшимися переработанных фраз, вроде директора Канцелярии⁶⁰ Гагемейстера, или, наконец, вмещающее просто людей, радеющих о собственных карманах и входящих в сделки с откупщиками и т. п., не могло принести большой пользы⁶¹; новый тариф (каж[ется], 1857 г[ода]) составлен так, что ныне машины все привозятся беспошлинно, а материалы, необходимые для машинного производства в России, обложены страшной пошлиной⁶². Главное общество железных дорог⁶³, Морское министерство и др[угие] тратят за границей страшные суммы, когда все, что им нужно, могло бы быть сделано в России, а между тем по высоч[айшему] повелению рассрочиваются платежи, следующие казне с таких лиц, которые попусцием правительства нажили миллионы. Гинцбургу рассрочено 2 м[иллиона] без % на 20 лет, понятно, что это просто подарок. Гранту дали 600 т[ысяч], когда эта сумма нисколько не отвращала его несостоятельности. Выдано 200 т[ысяч] откупщикам Шитовым, 100 т[ысяч] — Дурасову, которого вся заслуга в том, что

он с своим покойным тестем Суковкиным¹ выдумали заем через д[ом] Томсон-Бонар, не состоявшийся и окончательно компрометировавший русский кредит; так оно и выходит, что дело просто, что упадок торговли не случайный, а в общей связи со всем существующим порядком, который, конечно, не изменится к лучшему силой высочайших повелений⁶⁴.

Табель доходов и расходов русского правительства на 1860 год.
Напечатанная¹¹ в «Колоколе»⁶⁵.

1.	Доходов обыкновенных	Определено 1859	Полагается 1860
1)	Податей	50 732 033	51 399 454
2)	Экономических доходов:		
	С арендных имений	2 347 063	2 369 619
	Бывших поиезуитских фундушевых имений	136 086	134 748
	Процентов на капиталы сих имений	95 978	95 974
	С казенных лесов	1 000 000	1 035 918
	Оброчных статей	1 305 408	1 362 843
	От добычи на казенных черных заводах металлов	1 975 589	2 076 334
	Приготовление медной монеты	732 142	2 196 428
	Выделка металлов для вольной продажи	47 199	413 545
	Прибылей от передела металлов казенных мест и частных лиц	410 100	452 100
3)	Пошлины:		
	питейных, откупных, акцизных и пр.	128 455 984	128 293 371
	С свидетельств на шинки в привилегированных губерниях	1 305 000	1 400 000
	От распродажи по государству соли	8 024 734	8 000 000
	С частных золотых промыслов	2 826 734	2 826 650
	От выплавки на частных горных заводах металлов	872 827	861 142
	Таможенных	29 000 000	29 000 000
	Почтовых	6 353 669	6 342 511
	С подорожен	509 200	600 000
	Шоссейного сбора	700 000	700 000
	За гербовую бумагу	4 251 500	4 600 000
	Свидетельства на право торговли	4 300 000	4 600 000
	Паспорты	1 724 400	1 750 000
	С купчих крепостей и др[угих] актов	3 691 720	4 300 000
	За свидетельства и бандероли на табак	2 400 000	2 400 000
	Пошлин с свеклосахарного производства	472 500	517 500

¹ Так в тексте. На самом деле А.П. Суковкин не приходился тестем Ф.А. Дурасову.

¹¹ Так в тексте.

	Рекрутских складочных	200 000	200 000
	От страховых обществ	83 135	90 011
4)	Долговых платежей:		
	От разных мест и лиц	817 217	820 540
	Из казны польской на платежи по займам	60 000	60 000
5)	Разных сумм:		
	Остатков по бюджету Царства Польского	3 150 000	3 150 000
	Из земских сборов за издержки на пересылаемых в Сибирь арестантов	102 300	143 513
	Остатков и случайных доходов	1 000 000	1 000 000
	" от раскладки обществ[енного] сбора	227 000	227 000
	" содержания прав[ославного] и иноверного духовенства в Западных губерниях	54 043	84 702
6)	Из продовольственного сбора госуд[арственных] крестьян		230 000
7)	Николаевской железной дороги	1 000 000	1 000 000
8)	Доходов от южных поселений	1 500 493	1 708 300
9)	" с бывших пахотных солдат	218 000	
10)	Кибиточного сбора с купцов	500 000	
11)	Из отдельного капитала Госуд[арственного] казнач[ейства]	3 200 000	
		268 711 770	267 042 203
II.	Доходы на особые предметы	7 513 990	13 412 092
III.	За снаряды и казенную медь для военного и морского министерств	3 286 075	2 175 943
IV.	Доходов от банков, отчисляемых на содержание оных	1 225 000	
V.	Чрезвычайных сумм:		
	Выпуском билетов Госуд[арственного] казначейства		15 000 000
	Из оборотного его капитала		677 150
		280 736 835	298 307 388
I.	Расходов обыкновенных:	1859	1860
	На платеж долгов	49 547 433	54 605 912
	По Высочайшему двору	8 100 372	8 443 267
	Святейшему Синоду	4 291 469	4 452 131
	По министерствам:		
	Иностранных дел	2 043 515	2 051 557
	На устройство богоугодных заведений в Палестине		100 000
	Внутренних дел	7 207 640	6 971 150
	Финансов	29 113 408	27 702 571
	На пенсии	10 836 554	11 436 556
	Государственных имуществ	1 914 107	1 794 962
	Арендных выдач	1 263 480	1 290 980
	Народного просвещения	3 409 443	3 405 562

	Юстиции	4 395 229	4 425 131
	По главным управлениям путей сообщения	6 462 139	6 456 052
	На строительные и другие расходы:		
a)	на счет Госуд[арственного] казначейства	1 467 129	1 756 510
б)	" земских сборов		1 455 000
	По Госуд[арственному] контролю	1 195 029	196 501 ¹
	Военному министерству	83 881 176	96 862 374
	воен[но-]учебн[ым] заведениям		3 314 521
	6% вычетов в Эмерит[альную] кассу		1 218 686
	Процентов на пожалов[анный] сей кассе капитал		500 000
	По Морскому мин[истерст]ву	18 324 185	21 305 029
	На высшие правительств[енные] места	821 701	835 641
	Сооружение памятника Николаю I	30 000	(это последний платеж, весь памятник стоил 750 т[ысяч])
	Содержание Комитета сооружения Храма Христа Спасителя в Москве	19 818	19 818
	Расходы по сооружению сего храма	334 134	330 326
	Русскому обществу пароходства и торговли	1 943 530	1 943 530
	Акционерному обществу Балтийской компании	50 000	50 000
	Обществу «Кавказ и Меркурий»		34 000
	На покрытие расходов по штатам Сибири	159 674	159 674
	По крестьянскому делу	4 225 562	5 007 048
	По трактату с Китаем	500 000	
	Чрезвычайные расходы	4 000 000	4 000 000
	Итого:	248176112	75 719 353
	На недобор: в податях и по питейной части		7 000 000
	Всего:	248 176 112	282 719 353
II.	Расходов на особые предметы	7 513 990	13 412 092
III.	За снаряды для военных ведомств	3 286 075	2 175 983
IV.	На содержание банков и пр.	1 225 000	
		260 201 177	298 307 388
Статьи доходов и расходов на особые предметы на 1860 год			
I.	Доходы:		
	За вино, отпускаемое откупщикам определенной порции		5 742 000
	Из сумм земских повинностей		2 500 457
	С имений и капиталов, принадлежавших духовенству в Западн[ых] губ[ерниях] и поступивших в казну	798 215	828 215
	Из доходов конфискованных имений	30 000	
	Из экономических капиталов духовного ведомства	29 629	

¹ Так в тексте.

дарю, но что он, цесаревич, никогда не решился передать это письмо государю, а отдал его государыне, у которой оно, вероятно, и осталось.
20 декабря 1876 г[ода].

1877 [год]

Январь

1 [января]. Выход в Зимнем дворце. Назначения, которые по укоренившемуся ложному выражению называют милостями, хотя, конечно, они не представляются милостями для России. Назначены членами Государственного совета: обер-камергер граф Хрептович, идеал придворного подобиострастия и низкопоклонства, сделавший дипломатическую карьеру потому, что был женат на дочери канцлера графа Нессельроде, в итоге — пустой, ограниченный, замечательно скупой и не менее замечательно скучный, скучный человек. Губе — весьма старый и по состоянию здоровья не могущий вовсе приехать в Петербург из Польши, где он родился и провел жизнь. Главная заслуга его заключается в том, что он в сороковых годах был помощником графа Блудова при заключении конкордата. 20 лет тому назад был представлен нынешнему государю доклад о назначении Губе членом Госуд[арственного] совета, государь написал: «Повременить». Тогда, быть может, он мог бы быть полезным своими познаниями в юриспруденции, но теперь он, без сомнения, не принесет никакой пользы. *Клушин.* Клушин был херсонским губернатором и, разъезжая по губернии, нашел в каком-то уездном городе много арестантов в тюрьме; не справившись хорошенько, *Клушин* немедленно разослал по всей губернии циркуляры, коими разругал уголовную палату, мнимую виновницу зла. Члены палаты не замедлили пожаловаться Сенату. Сенат, убедясь в неправильности действий Клушина, предписал ему отменить свои циркуляры и разослать о том уведомления в те самые места, коим циркуляры были разосланы первоначально. На этот указ Сената Клушин донес, что не исполнит его, потому что подобные указы подрывают власть, данную ему государем. Сенат заключил сделать ему за подобный ответ выговор, министр внутр[енних] дел продержал это определение года два под сукном, а между тем граф Пален поехал в Херсонскую губернию и, восхищенный приемом Клушина, назначил его сенатором в тот самый Первый Департамент, который хотел ему сде-

лать выговор. Я был в то время обер-прокурором, и у меня, разумеется, началась война с новым сенатором, врагом всего, похожего на законность. После схватки с гр[афом] Паленом его перевели в V Департамент. Когда я был назначен сенатором в 4[-й] д[епартамен]т, то встретился с Клушиным во 2[-м] Общем собрании, где, впрочем, мы обыкновенно сходились в мнениях. В прошлом году он назначен на Кавказ, где пробыл лишь несколько месяцев, поссорился с Мирским, который там теперь в действительности играет роль наместника, и вследствие этой ссоры назначен членом Государственного совета. Клушин — человек весьма неглупый, безукоризненно честный, но капризный, враг всякой законности и приверженец личного произвола. Весьма может быть, что в Совете он будет полезнее, чем в Сенате. Наконец, четвертый вновь назначенный член Госуд[арственного] совета — Бреверн, совершенно состарившийся чиновник II отд[еления] Собств[енной] канцелярии. Человек крайне почтенный, весьма начитанный и ученый, но по летам и состоянию здоровья решительно не способный заниматься в Госуд[арственном] совете. Зимы он проводит в Риме, в чем, конечно, ему можно лишь завидовать.

Встретив во дворце Валуева, я спросил его, правда ли, что он принял портфель кн[язя] Горчакова; он уверял меня, что об этом не было и речи и что наследство Горчакова по праву принадлежит Игнатьеву.

Французский театр: «L'Étrange»¹ — умно, но крайне плохо играно.

2 [января], воскресенье. В 2 ч[аса] еду к цесаревичу. Передаю ему написанную мною записку. Более доброго, простого, радушного, честно-откровенного обращения нельзя видеть. Это прямодушный, честный человек в лучшем смысле слова. Кончаем делишки с Влангали о приобретенных им в Китае вещах. Всю мелочь за 10 000 фр[анков]. Из коих 2 т[ысячи] он уже получил. Тягостный обед у б[арона] Ш[тиглица] с Кербедзом, не внушающим никакого ни политического, ни другого доверия. Вечер у Абазы. На днях возвратился отсюда в Варшаву граф Коцебу. Во время пребывания его в Петербурге кн[язь] Горчаков уговаривал государя поговорить с Коцебу о случайностях Турецкой войны. В этом ему б[ыло] отказано. Коцебу, быв с докладом о польских делах, завел речь о Турции, где он двукратно воевал и при том в качестве начальника штаба. После тирады, длившейся с четверть часа, он не получил никакого ответа. Видно, по понятию государя, это дело не по его департаменту. Граф С. Г. Строганов говорил, что он на днях в разговоре с государем

¹ «Посторонний» (фр.). Далее зачеркнуто: «поразительно».

сказал ему, что России теперь во что бы то ни стало не следует отделяться от Европы, чтобы не возвратиться к тому изолированному положению, в котором она была до конференции. При этом гр[аф] Строганов выставил все трудности ведения войны даже с одною Турцией. Флотилия на Дунае, крепости, невозможность подвоза морем, смертность от болезней, во все турецкие войны достигавшая ½% в день.

3 [января], понедельник. В Сенате д[ело] п. О. С. Сандригайло, решение волостного суда, присудившего pension alimentaire¹ незаконному ребенку. Новый роман Тургенева: «Новь»⁷⁹². обстоятельная записка о нигилистах. Интересно, но не захватывает за душу. Вечер за предисловием к XIX тому Сборника^{II}.

4 [января], вторник. Новая часть романа Толстого: «Каренина», превосходно. В Сенате дело Кербедза⁷⁹³.

7 [января], пятница. Анна играет квинтет Рейстера. Поздравляю Бреверна с назначением, он отвечает, что гордится тем, что назначение последовало от самого государя без всяких происков или внушений.

8 [января], суббота. С 2 до 6 ч[асов] Комитет музея прикладных знаний, заседание у Кочубея (в его доме на Мойке у Красного моста). Участвуют: Исаков, всегда терпеливый, снисходительный, все выслушивающий, но, быть может, не довольно имеющий сказать. Кочубей, не привыкший говорить и спорить, постоянно не в вопросе, а рядом с вопросом, тяжелый, многоречивый, но в итоге весьма не дурной. Ермаков — вице-директор д[епартамен]та торговли, честный, не глупый, но имеющий незаслуженные притязания на многосторонность. Член тридцати комитетов и учреждений, считает себя способным на все, не исключая художеств[енной] критики, хотя не видал иных коллекций, кроме коллекций галош или вице-мундиров. Недоволен предложенным мною кандидатом в директоры Рисовального училища Месмахера^{III}. Когда дело идет о личных назначениях, то чиновник всегда имеет тайные соображения. Кобеко. Доверенный директор канцелярии Рейтерна. Кажется^{IV}, умный, еще более пронырливый, пользующийся репутацией взяточника. Страстный любитель книг о России, собравший замечательную библиотеку, преимущественно купив то, что осталось после Пекарского, женатого на его сестре. Вешняков. Д[иректо]р сельскохозяйственного д[епартамен]та. Очень

¹ Алименты, средства на содержание (фр.).

^{II} Предложение вписано карандашом.

^{III} Так в тексте.

^{IV} Далее зачеркнуто: «очень».

скромный и мне малоизвестный чиновник. Во французском театре глупейшая пьеса.

9 [января], воскресенье. Веселовский – секр[етарь] Академии, очень умный, образованный, приятный человек – приводит с собою г[осподина] Шелиота, написавшего проект об учреждении при Академии педагогических, учительских классов. Г[осподин] Шелиот мне не нравится. С претензиями, значит, глуп. Траншер рассказывает, что по поручению франц[узского] банка: *des dépôts et comptes courants*¹ ищет денежных, промышленных предприятий в России. На днях была почти слажена поставка Военному министерству на 500 ф[унтов] ст[ерлингов], но государь признал ее ненужной, иначе говоря, не хочет воевать, хотя конференции прерваны. Тем лучше! *Абаза*. Говорим о делах Гос[ударственного] совета след[ующего] дня, в особенности об одном, в коем гр[аф] Пален предлагает установить вечный чинш⁷⁹⁴. Читаю ему свою записку; он говорит: «Я готов бы ее подписать». Визит Нелидовой, где нахожу: Д. Оболенского, доказывающего необходимость обратиться к народу с Манифестом, для объяснения теперешних политических обстоятельств, иначе говоря, повиниться всенародно в сделанных глупостях. Здесь же Анненков, Фридерик^{II}, Швейниц.

Обед у Клейнмихелей ([у]р[ожденной] Келлер). Радзивилл (адъютант имп[ератора] Вильгельма), гр[аф] Пален, Грейг, к[от]т[орый] доказывает мне необходимость уменьшить число контрольных палат, в особенности потому, что обширные палаты всегда пользуются большим значением. Эту реформу считает необходимым сделать прежде учреждения высшего контрольного судилища, наподобие французской *cour des comptes*^{III}.

10 [января], понедельник. Обед у в[еликой] к[нягини] Екатерины Михайловны в левом флигеле Михайловского дворца, как бывало еще при жизни в[еликой] к[нягини] Елены Павловны. Обедают с нами: Апраксины, в высшей степени порядочные люди, Д. Оболенский с рассказами о консерватории. Дочь в[еликой] княгини Елена, не дурна собою (руки красны, за что ее двоюродный брат не захотел на ней жениться), несколько толстые губы и тяжеловесное произношение слов; во всем существе что-то сосредоточенное и как будто озлобленное. Недостаток развлечения, занятия, общества как будто раздражают ее, и прежде всего про-

¹ Депозиты и текущие счета (фр.).

^{II} Так в тексте.

^{III} Счетная палата (фр.).

тив родной матери, добрейшей, хотя весьма ограниченной, виновницы подобного порядка¹.

После обеда Оболенский уговаривает меня ехать к Абазе, у которого обед в честь новых членов Государ[ственного] совета Бреверна и Хрептовича. Здесь же находим Победоносцева, Титова, Урусова, Сольского. Разговор, естественно, вертится около конференции, Титов вспоминает свое константинопольское посольство, между прочим рассказывает, как застал там Фонтана, брата 2 русских посланников. Ему было 92 года, и он читал газеты без очков. У него было [число неразборчиво] братьев и сестер; живший наименее из них умер в 65 лет.

Победоносцев сообщает, что цесаревич дал ему прочитать мою записку. Приезжает Черкасский, утверждающий, что Москва и с нею вся Россия требует войны (вероятно, для доставления Черкасскому портфеля министра внутренних дел). Много в этом человеке ума, но ума весьма своекорыстного.

11 [января], вторник. Выйдя из Сената, осматриваю коллекцию картин Быкова, в маленьком домике на конце Васильевского острова. Много дряни, интересны картины русской школы, в особенности Лосенко, мастерская самого художника. Гуляя, встречаю Валуева, который весьма недоволен тем, что у государя почти ежедневно собирается совет из Горчакова, Милютина и Рейтерна. С Валуевым ни государь, ни государыня не говорят ни слова, хотя приглашают его к обеду еженедельно в день его доклада, поневоле Валуев опасается, что государь теперь после окончания конференции захочет вернуться к своей любимой мысли о тройном союзе с Пруссией и Австрией. Пруссия, по мн[ению] Вал[уева], очевидно обманывает нас, желая втянуть нас в войну, а император Александр влюблен в нее, как^{II} позволено быть влюбленным только в женщину. Обедают у нас: кн[ягиня] Барятинская ([у]р[ожденная] Орлова), Б. Ф. Голицын и С. Гагарин.

12 [января], среда. После Сената, окончившегося весьма поздно, заезжаю к б[аронессе] Раден, живущей в правом флигеле Михайловского дворца; почтеннее личности трудно найти. Она проводит время в чело- веколюбивых и научных занятиях, и все это так просто, умно, честно, непритязательно. Обедают Велеслей с женою, Лобанов, Левашев. После обеда захожу в клуб играть в бильярд с Гедеоновым.

¹ Далее зачеркнуто: «11 вто[рник]».

^{II} Далее зачеркнуто: «в кро».

Научное издание

Половцов Александр Александрович

ДНЕВНИК. 1859–1882

В двух томах

Том I: 1859–1877

Составление, вступительные статьи, примечания:

Голечкова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, School of Advanced studies;
Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН;
Соловьев Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор РАН,
профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Редактор, корректор: *Н.С. Самбу*

Дизайн-макет: *М.А. Миллер*

Верстка, предпечатная подготовка: *С.В. Панфилов*

Перевод с французского языка: *Д.А. Дынин*

Подписано в печать 30.09.2022

Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 70,95

Заказ № I-4945

Отпечатано в типографии:

ООО «Вокруг книги»

107497, г. Москва, Монтажная ул., д. 9, стр. 1,

эт. 3, помещ. IV, ком. 48 (рм137)

9 785907 396166